

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 623.718

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Central B.
ArgentinaFRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XI

Buenos Aires, Jueves, 10 de septiembre de 1959 ●

Буэнос Айрес, четверг 10 сентября 1959 года № 502

Вс. Дубровский

О „дискуссиях“ и о линии „Нашей Страны“

“В последнее время приходится часто слышать о непримиримости к коммунизму. Вопрос этот сделался злободневным, но ясности понятий еще нет. Непримируемыми стараются быть все. Кто — к Днепрострою, кто — к Улановой, а кое-кто и ко всей России, призывая на нее громы и молнии и атомные бомбы”.

(Из статьи Анастасии Ен.)

“Наша непримиримость к большевикам должна быть последовательной и беспощадной. Враг должен быть добит окончательно. Нельзя допускать никакой провокации”.

Ив. Солоневич

("Наша Газета" № 14, 1938 г.)

Приходится, увы, повторять прописные истины... Да, “наша непримиримость к большевикам должна быть последовательной и беспощадной”. К большевикам, еще раз подчеркиваю я, но эта непримиримость не должна переходить, в пылу самолюбования, в непримиримость к русскому народу, к России в целом. Не должна переходить в одержимость. Вот, в сущности смысл той, оказавшейся столь злополучной статьи П. Панина “Непримиримость или одержимость”, которая взбаламутила некоторую часть нашей правой эмиграции, почему-то (мне до сих пор неясно — почему?) охотно и вполне добровольно отнесшую себя к разряду “одержимых”. Неясно потому, что в своей статье П. Панин дал совершенно определенное толкование того, что он понимает под термином “одержимость” и что под термином “непримиримость”. Он говорит ясно:

— “Коммунизм — враг № 1. Мы к нему непримиримы. Все, что с ним, мы не приемлем; все, что его укрепляет, мы будем разрушать”!

“Другие же делали несурзаемое: из красных воинов формировали белые части; и на удивление всем, эти части дрались с красными лучше других. Потому что это была не схема, а живые люди”.

Да, коммунизм — враг № 1! Он остается таким же врагом № 1 и для тех, друг и х, которые не отождествляют с ним живых русских людей. Жертву — с палачом!

Мне это разграничение этих двух понятий кажется настолько ясным, что стремление отнести себя к разряду “одержимых” и эту свою к нему принадлежность затем защищать не перед чем не останавливаясь, ничего не щадя, приписывая не только неизвестному, скажем, им П. Панину, но и “Нашей Стране” то ли проповедь “соглашательства”, то ли прямую провокацию — мне кажется столь абсурдным, что поверить во все это было бы трудно, если бы не тысячи печатных строк, десятки килограммов бумаги, литры типографской краски и море злопыхательства, так наглядно об этом свидетельствующие.

Стоит ли говорить о том, что линия “Нашей Страны” остается прежней? Стоит ли доказывать, что белое есть белое? Что “Наша Страна” — газета столь твердо и определенно стоящая на позиции абсолютной и беспощадной непримиримости к большевизму — с этой позиции не сошла и не сойдет? Стоит ли говорить, что заветы Ивана Лукьяновича остаются неизбывными и что для нас сегодня, как и вчера и завтра

Самый заклятый и самый беспощадный наш враг, — враг, впившийся во все артерии русского народа, враг, по капле выпивающий русскую кровь, — это большевизм.

Ив. Солоневич

ПОЧЕМУ БЫЛА НАПЕЧАТАНА СТАТЬЯ П. ПАНИНА

Ровно девять лет тому назад, в № 55 “Нашей Страны”, я писал:

“Наша Страна” — газета несколько необычного типа. Она имеет свои особые задачи и пытается и будет пытаться их разрешать. Самое существование “Нашей Страны” обусловлено тем, что вся та работа, которая ведется на ее страницах, ведется во имя будущего и для будущего нашей Родины. Настоящее мы рассматриваем лишь как этап на пути к этому будущему и те факты и события настоящего, которые могут иметь к этому будущему то или иное отношение стараемся тщательно рассматривать и разбирать.

Задачи, стоящие перед “Нашей Страной”, требуют не только напряженной работы ее сотрудников и редакции, но и внимания, вдумчивости, понимания и помощи ее постоянных читателей. Тех читателей, которые следят за нашей работой из года в год и, так или иначе, реагируя на разбираемые в ней вопросы, принимают участие в жизни газеты”...

Прошедшие с тех пор девять лет дали мне право сказать в одном из предыдущих номеров газеты о том, что за эти годы “Наша Страна” приобрела определенный постоянный контингент читателей, представляющий собою компактную массу людей, полностью разделяющих установки газеты, считающих себя не “человеческой пылью”, вихрем революции рассеянной по всему миру, а политическими эмигрантами. Считающих себя частью своего народа, духовно от него неотделимой, не поддавшейся тому “сепаратистскому” течению, которое резко разделяет понятия: “мы — эмиграция” и “они — советские”. Именно этих читателей газеты, с нею кровно связанных, я считаю достигшими в большинстве своем того политического уровня, на котором “настоящее” не является самоцелью, а рассматривается, как данное судьбою время для подготовки неминуемо нам предстоящей встречи с тем русским народом, который там, на Родине,

возлагает на нас какие-то надежды. Когда-то, еще в 1940 году И. Л. Солоневич писал:

... Там ждут культурных национально и политически подготовленных русских людей. Ждут священников и педагогов, земских начальников и полицеймейстеров, юристов и землемеров, инженеров и агрономов, но не ждут никаких командиров. И паче всего ждут людей, политически образованных и политически мыслящих, из которых каждый мог бы объяснить, как и почему его личная работа нужна для процветания Империи. Из которых каждый мог бы объяснить, хотя бы схематически, как дошли мы до жизни такой и как нам из этой жизни выкарабкиваться. (“Наша Газета” № 51, 1940 г.)

Не только одним из основных условий, необходимых для этой подготовки, но условием обязательным, является, конечно, возможно полное и возможно более объективное знание той действительности, в которой живет наш народ. Знание, насколько это возможно, тех идеалов, к которым он стремится, ибо, как говорит И. Л. Солоневич,

Было бы полной нелепостью пытаться оформлять идеи, неприемлемые для ста пятидесяти миллионов ныне подсоветских людей. Следовательно, нужно знать, хотя бы приблизительно, хотя бы не точно, как именно думают эти 150 миллионов русских людей.

Нам придется считаться с этими мнениями, и в какой-то степени подчиниться им — иначе мы будем сброшены и отброшены.

Наша идея и ее формулировка будут определять будущее России только в том случае, если эта идея будет выражать настроение и интересы полтора миллиона, и если она будет выражена понятным для этих миллионов языком. (“Наша Газета” № 37, 1939 г.)

В плане этой подготовки, в плане накопления наших единомышленников — политических эмигрантов, а не обывателей, я нашел не только возможным, но и нужным поместить в газете статью П. Панина “Одержимость или непримиримость”, которая — по моему разумению — при правильном подходе к поставленным ею вопросам могла принести известную пользу, в смысле оценки тех проблем, которые может поставить жизнь перед нами в тот момент, когда мы попадем на Родину. К сожалению, как я уже сказал, эта статья была встречена с излишней и ненужной страстью, что и направило разгоревшуюся вокруг нее полемику по ложному пути.

Автора статьи — П. Панина — офицера Великой и Гражданской войны, захваченного после этой последней красными, бежавшего за границу, всю эмиграцию прожившего, как и мы, вне пределов Советского Союза, в 1945 году снова попавшего — волею судьбы — в руки большевиков, в течение долгих лет искавшего способ бежать из

СССР и, наконец, с риском для жизни, это бегство осуществившего — сочли проповедником “соглашательства”. В то время, как он имел целью поделиться с нами теми впечатлениями и тем опытом, которые он вынес из-за Железного Занавеса, где непосредственный контакт с русским народом дал ему возможность з н а т ь то, что нам знать необходимо. Необходимо для того, чтобы уже сейчас искать и найти тот правильный подход к нашему народу, найти ответы на множество неизбежно нас там ожидающих вопросов, чтобы облегчить нам нашу работу по подготовке к этой встрече. А что получилось? Получилось так, что некоторыми лицами статья эта была понята неправильно и эти, именно, лица подняли тревогу на весь мир — “Караул! Дубровский опутали провокацией! “Наша Страна” ведет пропаганду в стиле “Часового”! и прочее, и еще похуже — в этом же роде.

Мне кажется, что эти лица не учли двух важных факторов: 1. того политического уровня, на котором находится большинство постоянных читателей “Нашей Страны” — наших единомышленников и 2. того уважения, которое я питаю к ним, уважения, совершенно исключающего мысль о возможности каких-либо “сдвигов” в их сознании под влиянием некоторых неверных установок П. Панина. Я смотрел — и продолжаю смотреть — на наших единомышленников, как на людей от “вредных” влияний застрахованных, которым, однако, ознакомление с реальностью и обсуждение статей П. Панина должно было бы принести не вред или опасность, а пользу и тренировку для будущего, того будущего во имя которого и делается вся наша, доступная нам работа. Этот подход к читателям и это уважение я преломляю сквозь призму моих собственных восприятий, считая, что и я и они находимся на одинаковой ступени политического развития и не рассматривая “читательскую массу”, как нечто неспособное различить зло от добра и неимеющее своего собственного политического кредо.

Тем не менее, несмотря на все это, “дискуссия”, предположенная мною, как обмен мнениями в кругу наших единомышленников, сразу же вышла из берегов и вместо принципиального характера, приобрела характер обвинительный и по адресу П. Панина и по моему и по адресу “Нашей Страны”.

Продолжать ее в этом же стиле не имеет ровно никакого смысла. Это не принесет никому никакой пользы и сведется лишь к выяснению степени “белоснежности риз”, что неизбежно кончается заключением: “мы — белые, белые, белее снега, а вы, если вы думаете чуть иначе, чем мы — провокаторы!” А кому это нужно? Не нам, конечно, а только тому “третьему радующемуся”, которому мы нашими распрями только облегчаем работу — несмотря ни на что, нелегкую работу по разложению эмиграции. А, если так, то...

ДАВАЙТЕ, «ДИСКУССИЮ» КОНЧАТЬ...

Для того, чтобы ее, действительно, закончить, а не «подлить масла в огонь» — с одной стороны, и чтобы не загромождать газету — с другой, я позволяю себе, вместо того, чтобы печатать имеющиеся еще у меня в «портфеле редакции» статьи и третье письмо в редакцию г. Панина, привести лишь выдержки из них, не искажающие смысла статей, конечно, а, напротив, характеризующие их. Надеюсь, что ни читатели газеты, ни авторы статей не упрекнут меня в этой моей вольности.

О ВАЖНОМ И НЕПРИЕМЛЕМОМ

Д. Персианов в своей статье под этим заголовком пишет:

... «Панин пишет, что любовью можно освоить подсоветского человека и он «снова станет русским». Однако, есть газы подсоветские люди: одни и теперь русские, а иные для будущего потеряны. Их любовью взять нельзя. Не об этом ли повествует княжна Шаховская, утверждая, что в СССР и а р о д делит людей на «мы» и «они». «Они» — это не только коммунисты, но и сжившиеся с коммунизмом. Конечно, не эмиграции совершать это «просеивание» людей через решето оценок. Это — задача народа, освобожденно от коммунизма.

Отсюда следует: как а я т о ч а с т ь н а р о д а, во главе с Лениным, Сталиным и Хрущевым творила коммунизм во имя осуществления коммунистической идеологии и, конечно, не имела в виду принести пользу Национальной России и ее государственным интересам; другая же часть народа, разумеется, большая, активно и пассивно сопротивлялась, желая жить свободно привычному быту. Это давление на коммунистов принесло некоторые плоды, которые уже внедрились в русскую жизнь, их нельзя рассматривать как зло для будущего страны.

Но ведь семья укрепились в СССР, вопреки коммунизму. Остатки собственности — тоже. Религия — тоже, вопреки коммунистическому безбожию и богоборчеству.

... Народ в массе своей религиозен. Без Церкви он не может жить. Однако, когда, после коммунизма, придет п о д л и н н а я Ц е р к о в ь, исключено ли, что тысячи б. комсомолок, о которых пишет

г. Панин, станут переименовывать своих детей, крещенных при коммунизме, во имя с т и н н о й Ц е р к в и ? Это — дело религиозной совести будущего. Да и теперь, в СССР, не малая часть людей разбирается в священниках и не ко всем несет крестить своих ребят.

... Совершенно не согласен с Паниным, что идеология коммунизма победила Россию. Многомиллионная Россия, сорвавшаяся с устоев своей тысячелетней истории, усвоила практику разиновщины и пугачевщины, каковые с марксизмом ничего общего не имели. Только п о з ж е коммунистический эздох взял в шенкеля народного «коня» и стал вдавливать свою идеологию, но без особого успеха, ибо с у щ е с т в у ю т «мы» и «они», что мы видим и у Шаховской, и у Краснова Младшего, как и из многих литературных творений б. подсоветских людей.

... Коммунизм — не татарское иго. Это последнее было мягче коммунизма. Татары не залезали в душу русского человека, они не поганили ее и, после набегов и кровавых расправ, давали возможность русским князьям собирать русскую землю, не только как таковую, но и духовно. Коммунизм делает иное и, когда это «иное» приносит невыносимую боль всему народу, сроки «татарского ига» сокращаются. Верю, что не 240 лет будут властвовать коммунисты в России.

... Водородная бомба не от нас зависит. Мы не можем начать войну против хрущевщины и не можем остановить руку Хрущева, нажимающую кнопку водородной войны. Мы не можем желать уничтожения русского народа, но, если Хрущев, а не Запад ее начнет, то обмен уничтожением надо будет признать трагическим разрешением мировой проблемы, а не только русской. Наше место здесь о с о б о е: против коммунизма ради освобождения России. Где именно будет это место географически — не знаем. В какой форме — тоже не знаем: ведь мы и в этом не готовы...

... Подходят судьбоносные сроки. Нам нужна холодная голова и любящее Россию сердце. Остальное приложится. Будем в это верить.

Из полной сарказма и злой иронии статьи Полк. С. «ДИСКУССИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ» я цитирую только те места,

которые не повторяют уже сказанного другими оппонентами г. Панина, и с которыми принципиально (но не с несколько необычной для Полк. С. манерой писать) я согласен. Так, относительно именованья г. Паниным русского народа с о в е т с к и м Полк. С. пишет:

«До сих пор мы знали, что существует на свете — испанский народ, французский и др. Теперь мы узнали, что есть еще один народ — советский. Мы знали, что есть немецкая нация, польская и др. Теперь на территории бывшей Российской Империи появилась новая нация — советская. Пусть не смущаются читатели «Нашей Страны» таким открытием г. Панина. Все на свете меняется, меняются люди, меняются нации...»

С термином «с о в е т с к и й» по отношению к нашему народу согласиться, конечно, нельзя. Для нас — там, на территории России, захваченной чуждой ему властью, живет и страдает р у с с к и й народ. И мы убеждены, что наш народ под игом большевизма не стал с о в е т с к и м, как и под игом татарским, он остался русским, со всеми, свойственными и присущими русскому народу чертами. Та страшная борьба, которую он непрерывно ведет против власти, закалила его душу и сплотила его общностью переживаний и страданий и мы, конечно, полностью разделяем прогноз И. Л. Солоневича, что послесоветская Россия будет представлять собою

... двести миллионов людей, находящихся на таком умственном уровне, н а к а к о м н и к о г д а и н и г д е н е н а х о д и л с я еще ни один народ. Это будет масса, закаленная, как рессорная сталь, — не как хрупкая сталь инструментов. Она выработывает в себе невероятное упорство или точнее, то качество, которое по отношению к стали определяется термином — «вязкость». Эта масса привыкла к невероятной затрате энергии, ибо каждый шаг советской жизни требует проявления этой энергии — иначе люди гибнут.

(«Наша Газета» № 14, 1939 г.)

Советская власть сгинет — Россия и р у с с к и й народ воспрянут в еще большем могуществе и силе. Сорок лет мученической жизни не могут убить дух народа — они могут только закалить его.

ВЫСТУПЛЕНИЯ АНСАМБЛЯ «ТРОЙКА» LR3 RADIO BELGRANO Каждое воскресенье в 22.30 час.

Равным образом, вместе с Полк. С., я возражаю П. Панину и по поводу соединения — противоестественного соединения — власти и народа воедино. Нельзя забывать, что русский народ является орудием в руках власти, которая стремится использовать все его силы для достижения своих, ему чуждых целей. И даже тогда, когда вышедшие из русского народа гении делают открытия в науке, дают миру изобретения в технике и пр. эти р у с с к и е люди не сливаются с властью, использующей их гений и это вовсе не значит, что власть и они — одно целое. Я рад, что Полк. С. еще не так давно протестовавший против такой точки зрения, теперь согласен со мною...

Радует меня и другое. Полк. С. еще так недавно видевший все сквозь призму безнадежности и в течение многих лет на страницах «Нашей Страны» утверждавший, что коммунизм все равно охватит весь мир, что борьба с ним все равно ничего не даст, сейчас резко изменил своему пессимизму и смотрит на вещи с оптимизмом равным моему.

Далее в своей статье Полк. С. продолжает цитировать П. Панина:

«Не следует делать большие глаза на цифру 250 лет, говоря о татарском иге и сравнивать его с коммунистическим. Коммунистическое иго более продуманно, универсально и зло (?!), чем татарское, чисто стихийное, а значит и более мощно... Почему бы им быть кратковременнее татар?» и, возмущаясь таким подходом к этому вопросу, пишет:

«... Поэтому не будем обольщать себя надеждой, как делают это все сотрудники «Нашей Страны» (за исключением г. Панина) о близком освобождении от коммунистического ига нашей многострадальной Родины, а станем дружно на точку зрения г. Панина — 250 лет и ни одного дня меньше».

Это, — во всяком случае, — уже явная польза от статьи П. Панина, заставившей Полк. С. взглянуть другими глазами на «непреодолимую мощь» коммунизма и возмутиться своим собствен-

Борис Башилов

8

КТО ВРАГ?

П о в е с т ь

Х

Приказав добровольцам идти в деревню, Николаев вместе с Гофманом вышел из зарослей тальника и пошел по дороге в Малые Буды. Николаев был против обыкновения молчалив. Шел не говоря ни слова. Гофман тоже молчал. Только когда прошли уже мост через ручей, Гофман неожиданно спросил Николаева по-русски:

— Вы знали Дмитрия Николаевича Стригунова раньше?

Николаев оглянулся на Гофмана, удивленный, что тот знает имя, отчество и фамилию дяди Митяя.

— Да, — кивнул головой Николаев. — Я его знал раньше.

— Когда вы познакомились с ним, до или после войны?

— До войны. Это брат моей матери. Он воспитывал меня, когда умерли мои родители.

Гофман в свою очередь удивленно взглянул на Николаева и теплые нотки прозвучали в его голосе:

— Я тоже знал вашего дядю раньше.

— Вы знали его раньше? — удивленно воскликнул Николаев. — Где же вы встречались с ним?

— В Борисове. Я служил в комендатуре, а ваш дядя топил в ней печки. Мы много разговаривали. Это очень хороший человек. Мне жаль, что он ушел в партизаны.

— Он не виноват в этом, господин майор, — сказал Николаев, вспоминая фразу дяди Митяя, что он, а не Николаев, мог бы быть помощником у майора Гофмана. Вот, что означала эта фраза. И ведь ничего не рассказал старый леший. От этих мыслей зарождавшаяся было неприязнь майора Гофмана прошла и лицо Николаева тоже повеселело, приняв почти обычный вид.

Гофман, заметив перемену настроения Николаева, спросил: — Алексей Сергеевич, о чем же вы договорились с вашим дядей? Согласен он сдать?

— Нет, — закуривая сигарету, проговорил Николаев.

— Что же он думает делать дальше?

— То же, что делал до сих пор.

— То есть продолжать защищать Сталина, которого он так ненавидит. Или, может быть, он уже изменил свое мнение о нем.

— Нет, — сказал Николаев, — он остается попрежнему врагом Сталина, но он решил продолжать борьбу против Гитлера.

— Я тогда ничего не понимаю больше, — удивленно сказал Макс Гофман, тоже закуривая сигарету. — Вы, русские действительно, до-нельзя странные люди.

— Ах, господин майор, — с внезапным раздражением проговорил Николаев, — такими странными сделали нас ваши Гитлер и Розенберг. Скажите, вы хотите победы над Сталиным?

— Да, конечно, — проговорил уверенно Гофман, пряча в карман портсигар.

— Да, но ведь вы тоже ненавидите Гитлера. Я бы на вашем месте больше бы всего боялся победы над Сталиным.

— Почему же? — с удивлением спросил Гофман, вглядываясь в ставшее снова мрачным, лицо Николаева. — Я не люблю Гитлера, но я, ведь, немец.

— А думали вы о том, что день гибели большевизма будет началом быстрого поражения германской армии.

— Как, каким образом?

— Вам нравится партизанская война?

— Ну, конечно, нет.

— Ну, так вот, та партизанская война, которая ведется сейчас, только пять процентов той партизанской войны, которую вы, немцы, получите на другой день после падения советской власти.

— Но почему?

— Очень просто, господин майор, я и все добровольцы на другой же день после того, как падет советская власть, уйдем в

партизаны. И так же поступят в

гают вам.

— Значит, когда падет Ста

пристально глядя на Николаева,

— Да, господин майор, —

— А до той поры, пока Ста

— До той поры, все будет к

— И если будет получен пр

ся с родным дядей, заменившим

— Буду.

Гофман удивленно взглянул Николаева, лицо которого снова ст

рый уже раз в этот день, вс

Рильке. Что он знает, например,

го, идущего рядом с ним русс

поведет вместе с ним на смерть

родного дяди, которого он уваж

Х

Вечером в овражке около бе

вольцев: солдат Иван Макеев,

только в шесть часов вечера в

го амбара, превращенного в гаупт

моха Филин, бывший вестовой

пушенный с гауптвахты. Это был

о которых вспоминала Мавра Д

«Путешественником», был тем

тался с налету присвататься к х

и после ее жалобы был отправл

хозный амбар.

Тимоха Филин пострадал за

веза Куракина. Дело с курицей пр

бы: чорт не нанес в тот момент

колаева. Лейтенант Николаев п

момент, когда жена Матвея, Ма

ным недавним пессимизмом, в интерпретации г. Панина. Я искренне рад и искренне приветствую эту перемену в настроении Полк. С.

Этим я ограничиваю передачу цитат из статьи Полк. С., которую не помещаю целиком по причинам, уже выше упомянутым.

Мне остается привести несколько цитат из третьего, адресованного в редакцию письма П. Панина, в котором он несколько подробнее касается некоторых, поднятых им ранее вопросов, что делает его точку зрения более понятной. Следует, быть может, пожалеть о том, что это не было сделано в первой же статье — может быть, мы избежали бы излишних кривотолков и поспешно выведенных заключений.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Многоуважаемый

Всеволод Константинович!

Разрешите обратиться с третьим, заключительным с моей стороны, письмом по обсуждаемым вопросам. Невозможно ответить «на все». Я очень хотел бы быть кратким, но пути к этому не вижу. Надо или не отвечать совсем, или отвечать обстоятельно. Люди не хотят ловить чужую мысль. Впрочем, и много говорить, — исказят и обругают, и мало говорить, — не поймут и обругают.

Примеры? Пожалуйста. Свои статьи я писал в целях привлечь внимание на некоторые наши изъяны, от которых терпит урон великое дело и на которых мы можем сорваться при экзамене. Освещая положение, я привел красочный разговор с советским капитаном: пред нами, ведь, был представитель теперешнего русского народа, с которым мы завтра же можем встретиться. Привел для того, чтоб мы были к такой встрече и имели за душой, чем на такое ответить. — Мне говорят, что я явно с ним согласен, обаят стремлением унижить эмиграцию и люблю советским капитаном. Я отметил новые ворота, (ограду, охрану, армию и т. под.), поставленные врагом, взамен сгнивших; мне говорят, что под этим я подразумеваю прошлое моей Родины. (!) Я задаю вполне естественный вопрос: венчан я или не венчан, раз я венчан советским священником? Мне отвечают, что я кощунствую.. Я указываю на оружие, «проверенное тысячелетиями»; мне говорят, что я считаю это своим открытием. Я говорю о появлении слова «Родина» с большой буквы, (идеи); мне указывают на Лиени. Я предлагаю всем нам смириться и покаяться; мне с насмешкой отвечают, что важно, де, только то, что говорит г. Панин.

Вот это-то и понятно: никак невозможно смирение сочетать с одержимостью. Поэтому на статьи, посвященные общей, казалось бы, теме, я не перестаю получать лестные эпитеты, да и вся дискуссия ведется больше не вокруг поднятых вопросов, а вокруг моей личности. Это еще при сдерживающей руке В. К. Дубровского; что говорится там, где ее нет, я и приводить не буду, — за людей стыдно. Спасибо г-ну Крачковскому, — можно порой услышать и человеческую речь. Давайте, поговорим о деле!

Тема моя была: о нас самих и о нашем отношении к теперешней России; а появилась она именно сейчас, (а когда она, впрочем, не появлялась!) — появилась потому, что жизнь требует, ставит эти вопросы. Мы же должны ответить.

Каковы же мы? — «Мы идейной основой нашей борьбы ставим именно любовь...» «Надо терпимо относиться к чужому мнению...» — качества этой терпимости и любви можно увидеть по статьям настоящей дискуссии.

Вот эти «мы», — что мы из себя представляем? Бесплотные тени прошлого, скитающиеся по миру? Бело-

снежные личности, сверху вниз вззирающие на пройденный Россией путь? Иль отделившиеся сыновья, с собственным хозяйством и собственными заботами?..

Исключая первых и последних, останемся ли во вторых. — Берег есть, господа, своей белоснежности! Ни боком, ни задом, ни «с брезгливостью» к России становиться не надо! Поверните голову! Встаньте лицом к лицу, — ближе, вплотную, и смотрите, смотрите внимательно, и по-братски на то, что там происходит.

Это, конечно, правда, что ни вызвать, ни предотвратить войну мы не в силах. Но остаемся мы сами и наше, совсем не теоретическое и не бесплодное, отношение к этому вопросу, так как это определяет и формирует наш личный облик и образ наших действий, а, значит, и отношение к нам со стороны чужих и близких.

Как я представляю устранение врага? Вот об этом-то и надо и думать, и говорить. А, главное, — действовать. Атомную бомбу я категорически исключаю, как и Россию, привезенную в обзоре чужой армии. Неперерожденный русский народ никакой России создать не может. Перерождение это явственно происходит, и мы должны всячески, всеми мерами и силами нашими включиться в этот процесс, будировать, пробуждать человеческое сознание. Мы не знаем, к чему он приведет: к быстрому военному перевороту, к всенародному восстанию, к длительной, вековой эволюции или еще к чему; но мы обязаны содействовать этому процессу и завоевывать в нем наши позиции. А вот одержимость наша всему этому препятствует. Потому что и нас от людей и людей от нас отталкивает; потому что искажает нашу правду; потому что вообще это чуждо и неприемлемо истинной (милостивой!) России. Довольно с нас всякой пугачевщины, семеновщины, хлыстовщины и всякого большевизма и чрезвычайца. Русский народ — и мы с ним — ищет человеческой, справедливой жизни и человеческих отношений. О мучениках идеи говорить легко, сделаться ими очень трудно. Но всякому доступно то или иное действие во имя идеи. Действий этих «ув!» — сущие крохи...

Горячую войну мы вызвать не можем, — беспомощны вполне. Нет среди нас банкиров и мультимиллионеров. И Холодной мы не можем придать желательные нам формы. Но вот у ч а с т и е в ней и доля нашего успеха будет зависеть от нашей активности и нашего образа действий. Не зовет ли это к осмотрительности?

Какая-то неопределенность, блуждание между двух берегов. Приемлем мы — или не приемлем? Люди словно боятся, не додумывают до точки, а потому невольно лгут или не хотят сказать правды. Г-на Месняева никак не назовешь соглашателем. Но вот в своей статье «Святые слезы» он передает рассказ д-ра Реймонда: — «Нас содержит народ, дающий нам свои приношения и пожертвования, — сказал д-ру Реймонду семинарист, сопровождавший его в Троице-Сергиевской Лавре. — С каждым годом вера в России растет. Наша Церковь крепнет и становится громадной силой», — заключил он. Дальше говорит г. Месняев: — «А раз это так, раз русские люди, перелезев всеми страшными болезнями, (нота bene!) возвращаются к раке Преподобного Сергия, и над нею вновь сияют огни горячей веры, — с надеждой и верой должны мы смотреть в будущее».

Так как же: лгут или по мере сил служат Правде Троице-Сергиевские монахи, лгут или зовут к правде сияющие там огни?.. Нам следовало бы в этом разобраться, а потом сделать соответствующие выводы. Неужели так трудно понять, что наша позиция просто непристойна? Мы — одни из тех, кто вольно или невольно, сознательно или бессознательно,

прямо или косвенно, действием или бездействием — валили родной дом в бездну; а теперь мы гордо повернулись к нему спиной и поносим огулом все, что там происходит. Непристойная позиция. Некоторым хотелось бы на всем этом поставить точку. Невозможно поставить, никому невозможно, — жизнь движется и предъявляет свои требования. Да и не надо ставить, — надо выяснять истину. Освободиться от вредных недомыслий, недоговоренности и заблуждений, от всего ненужного, что налипло за долгие годы лихолетья.

Будем непримиримы; но плевать на красноармейца воздержимся: в нем — будущее нашей родины. И на советского священнослужителя плевать не следует: так или эдак, пусть урывками и по крохам, но он латает тот дом Богородицы, который мы когда-то развалили. Отвернемся от дьявольского, но благословим Богово. Мы не можем никак помириться со звездой на околыше красноармейца, мы будем с ним бороться, пока он не станет защищать проклятую власть; но мы никогда не должны забывать в нем своего брата и русского человека и должны всячески пытаться склонить его на свою сторону. Мы никак не можем примириться с Комитетом по делам культов, с приниженной и двуликой ролью Церкви, с ее двусмысленным положением и вынужденными заявлениями; но мы не можем неотмашь опрокинуть те «сияющие огни», которые она все-таки зажгла и продолжает их поддерживать. Мы не можем, не имеем никакого права плевать огулом на все, что находится за Железным Занавесом, нам давно надо вернуться к нему лицом и искать там союзников.

Большинство всех опровержений сводится к простой подмене. Если я скажу о государственном строительстве, вы укажете на дрянные коровники; если я скажу о раскрепощении восточной женщины, вы укажете, что она таскает шпалы; если я скажу о просвещении чукчей, вы укажете на пропаганду; если я скажу о запрещении абортов, вы укажете на недостаток людских резервов; если я буду говорить о Церкви, — вы подсунете Николая Крутицкого. И т. д.

Не гоже спутывать Церковь с теми или иными личностями. Никакая личность и личности Церкви еще не выражают. Поэтому, например, ни Николай Крутицкий, ни Питирим Минский, ни вообще никакие отдельные иерархи не могут ни заменить, ни выразить Церкви. Любой иерарх — только бранный человек; Церковь — незримое Христово тело. Понятие это — главным образом духовного порядка; и только там, где личность растворяется в этом понятии, она служит Церкви. В настоящей дискуссии все говорят о Церкви, о Православии, о Христе; и все стараются оскорбить. За что? Не по их схеме думаю. Обвинили и в кощунстве: — «Это — дело Церкви!»

«Где собраны двое или трое во имя Мое, там и Я среди них» — Это — уже начало Церкви. Если мы будем беседовать во имя Его, а не поносить друг друга, то мы будем уже Церковь. Но только во имя Его, а не нашего и чужого своеволия. Иначе все наши рассуждения о православии и Христе, воистину, будут кощунством. Уклоняться от ответа не надо. Вы также, как и я, хорошо знаете, что я — повенчан и комсомолка — крещена; а вот признаться в этом не хотите, потому что тогда вам надо будет отказаться от своих «бескомпромиссных» позиций. Не только одной статьей, но и многими, многими облик человека не определяется. Он определяется всей его жизнью, и потому, не заглянув в его жизнь, облыжно поносить его непотребными словами, — совсем грязное дело. Проф. Вербицкий спрашивает меня: чем я доказал свою непримиримость к коммунизму? Я мог бы не отвечать на такой сугубо-личный вопрос, — мы не в чрезвычайке. Но я отвечаю. Тем же, чем и Вы: пребыванием по эту сторону Занавеса. Тем, что я оставил родину, близких, свое дело. Тем, что я дважды, в со-путствии огромной опасности, перешел роковой рубеж и потом всю

Политическая Хроника

К ПРИЕЗДУ ХРУЩЕВА В АМЕРИКУ

Нам пишут из Нью Йорка:

Значительное большинство российских политических организаций в Нью Йорке постановило координировать свои действия в связи с назначенным на 15-го сентября приездом Хрущева в Соединенные Штаты. В образованный для этой координации Комитет вошли представители Общественного Фронта, Всероссийского Комитета Освобождения и входящих в его состав организаций, Российского Политического Комитета и сотрудничающих с ним русских воинских организаций, Союза Борьбы за Свободу России, Российского Народного Движения и др.

Солидаристы проявили сепаратный почин, опубликовав сообщение, в котором сказано, что они отказались от мысли устроить направленные против приезда Хрущева в Америку уличные демонстрации и готовят другую форму проявления своего отношения к этому приезду — какую именно в сообщении не сказано.

Организации, представленные в объединенном комитете, постановили издать в 50 тысячах экземплярах листовку, которая будет распространена среди рабочих тех заводов, которые посетит Хрущев. Те же организации обратились с письмами протеста против приглашения Хрущева в Соединенные Штаты к президенту Айзенхауэру, к губернатору Нью-Йоркского штата Rockefeller и к мэру гор. Нью Йорка Вагнеру.

В день приезда Хрущева в Нью Йорк в местных русских церквях будут отслужены панихиды по его многочисленным жертвам.

Из Сан Франциско сообщают, что и там русские организации объединились для протеста против приглашения Хрущева в Америку. В частности, перед приездом Хрущева в Сан Франциско по улицам этого города проедет колонна автомобилей, украшенных американскими и русскими национальными флагами, с плакатами, указывающими на кровавое прошлое Хрущева и на ошибочность его приглашения в Америку.

Поступил в продажу труд Южно-Американского Отдела Института по исследованию проблем войны и мира имени ген. проф. Н. Н. Головина. —

РОССИЙСКИЕ ОФИЦЕРЫ

Цена — в Аргентине — 30 песо
В остальных странах — 0.75 ам. дол.

жизнь прошел по общему пути лишений, не прибегая к компромиссу. Тем, что покинул самое близкое, что мы имеем в своей жизни — свою мать и не послушал ее зова. Эти огненные слова: — «И жить не хочу и умирать не хочу, тебя не увидевши!» — эти слова были адресованы не Вам, а мне, и они будут жечь меня до самой смерти. — Вот, ведь, какого прохвоста вырастила!..

Думаю, здесь — все. Больше выступать по этому поводу не буду.

15.7.59. П. Панин

На этом я мог бы закончить свою статью, «закрывающую» дискуссию по поводу статьи П. Панина «Одержимость или непримиримость». Однако, во избежание возникновения новой полемики, в связи с его же статьей «Жизнь Нации», хочу теперь же определить мою точку зрения. Основное заключается в том, что, базируясь на периодической системе, П. Панин говорит о начавшемся периоде расцвета нации в ДУХО, ВНОМ смысле, что должно привести к падению, а никак не к расцвету коммунизма, как уже неверно истолковал его слова Полк. С. на страницах газеты «Русское Слово».

Вс. Дубровский

О Б. Пастернаке и «Докторе Живаго» — в одном из ближайших номеров.

Вс. Д.

Н. Потоцкий

Здоровый капитализм — основа экономики Новой России

В свете всех доходивших до нас достоверных сведений из СССР — и даже на основе многочисленных фактов, приводимых в советской печати, особенно в «Комсомольской Правде» — мы имеем полное основание утверждать, что подавляющее большинство подсоветской молодежи от все более и более отталкивается от идеалов коммунизма. Обратное — т. е. возрастающая приверженность к этим идеалам — было бы абсурдом: нужно иметь весьма низкое мнение о русской молодежи, т. е. наиболее чутком слое того великого народа, который на протяжении всей своей истории органически тяготел к духовной сущности жизни и к идеалу Правды-Справедливости, чтобы допустить полное и окончательное порабощение этой молодежи, как и всего нашего народа вообще, противоположными и унижающими свободный человеческий дух догматами учения, успех которого рассчитан на обращение к самым низменным сторонам нашей природы, а высшим достижением которого является создание сытого, безбедного и самодовольного робота, из духовной природы которого вытравлены все наиболее возвышенные и прекрасные своею одухотворенностью стремления. Нужно иметь также чрезвычайно печальное представление и об уровне здравого смысла и реализма этой молодежи, чтобы считать ее еще способною удовлетворяться лозунгами той политико-экономической системы, которая через сорок лет своего пребывания у власти оказалась неспособной хотя бы только догнать свободные страны в отношении культурного и материального благосостояния своих граждан, и социальная сущность которой свелась на практике к бессовестной эксплуатации широких трудящихся масс ничтожным меньшинством привилегированного правящего класса.

И вот, первоначальный энтузиазм первых пятилеток сменился у этой молодежи полным разочарованием в этой системе и в ее идеологических предпосылках. В результате коммунистическая печать жалуется на учащающиеся выходы из комсомола и на ослабевающий приток в него новых членов, на усиление в среде молодежи «религиозных предрассудков», на уродливые явления «стиляг», «ни-бо, ни-чо» и т. п., которые тоже определенно свидетельствуют о неспособности коммунизма дать этой молодежи какие-то влекущие, заманчивые, захватывающие идеалы... И можно ли допустить, чтобы эта молодежь, от-

лично зная, как катаются, как сыр в масле, «народные вожди» и видя убогое и серое существование колхозников и рабочих, не испытывала бы чувства негодования, сознания того, что народ обманут, что при этой власти истинный культурный и хозяйственный прогресс невозможен, или же должен сопровождаться чудовищными затратами — и растратами — национального капитала?

Но верны также и другого рода доходящие до нас сведения: что, уже бесповоротно и окончательно оттолкнувшись от коммунизма, новые поколения нашего народа еще не пришли к отчетливым и ясным выводам положительного порядка, т. е., что именно какой политический и экономический строй должен сменить собою обанкротившуюся доктрину? Это отсутствие или, в лучших случаях, туманность в области положительных, творческих идеалов вполне понятны: слишков велика духовная изоляция этой молодежи от остального мира и слишком мощно еще пропагандное воздействие коммунистического воспитания и образования; слишком велика и изоляция физическая, т. е. тот факт, что только совершенно ничтожная часть этой молодежи попадает за границу и может своими глазами констатировать разницу между жизнью в капиталистических странах и в стране «побеждающего социализма».

В результате всего этого необходимо констатировать тот факт, что, уйдя от коммунизма, эти новые поколения до сих пор продолжают относиться с нескрываемой враждебностью к «капитализму», ибо с самого начала существования советской власти она упорно изображала им его, как угнетение и эксплуатацию трудящихся масс «акулами капитализма», хищнически присвоившими себе народное достояние и поработившими народный труд. Этот факт должны хорошо учесть антикоммунистические пропагандисты, на обязанности которых лежит поэтому при настоящих и будущих встречах с подсоветскими людьми новых поколений иметь наготове ясный и хорошо аргументированный ответ на возможный вопрос: **какая именно система должна стать на смену павшему или свергнутому коммунизму для блага освобожденного Русского народа?** Ибо надо твердо осознать то, что при всех идеальных устремлениях, которые свойственны каждой молодежи, а русской в особенности, ее, после окончательной констатации бессилия коммунизма построить благосостояние широких масс трудя-

щихся, будет интересовать прежде всего вопрос о том, на каких **экономических** основаниях должна быть построена жизнь Новой России, чтобы это благоденствие было действительно достигнуто и доступно для всех.

И в случаях таких встреч и таких дискуссий наш ответ, каким он им ни покажется парадоксальным и, быть может, даже отталкивающим на первый взгляд, должен быть совершенно определенным и категорическим:

Экономика новой России может привести к полному и справедливо организованному расцвету благосостояния всех без исключения граждан Новой России только в том случае, если она будет построена на основе здорового капитализма.

И тут необходимо, как говорят французы, начать сначала. В чем состоит самая сущность капитализма? — В абсолютной свободной проявлении творческой инициативы и в абсолютной свободном приложении свободного труда на создание материальных ценностей в условиях свободной конкуренции с правом создателей этих ценностей на неограниченное накопление ими прибылей от реализации ими их творческого труда, причем и орудия производства, и эти прибыли являются неотъемлемою собственностью их владельцев.

Таковы, по нашему скромному мнению, функции того здорового капитализма, на базе которого экономическая структура нашей возрожденной Родины достигнет максимального расцвета, который явится достойной наградой нашему трудолюбивому и свободолюбивому талантливому народу за разумную эксплуатацию им неисчислимых естественных и технических богатств и ресурсов нашей великой страны.

Однако, с самого начала наших возможных дискуссий в этой области, мы должны в нашей защите капитализма, как наилучшей экономической системы, ставить максимальное ударение на то категорическое требование, что для выявления всех присущих ему положительных качеств и для полного устранения всех порою бьющих в глаза, его практических дефектов, этот капитализм должен быть именно здоровым.

И в определении этого «здоровья» мы, русские политические эмигранты, считая своим патриотическим долгом послужить нашей Родине тем богатым опытом, который мы имели все возможности приобрести в условиях нашей долголетней жизни в странах сво-

бодного капиталистического мира, обязаны извлечь из этого опыта все те реальные уроки, которые этот мир дает нам в том отношении, что далеко не всегда в этих условиях полной свободы этот капитализм является действительно здоровым и служащим общенародным национальным интересам своих стран.

И потому, мы должны с максимумом объективности признать, что при всей своей органически здоровой, творческой и созидательной сущности, в этом капитализме свободных стран имеются — и очень часто и в очень сильной дозе — паразитарные и нравственно отталкивающие надстройки, появление которых в построении здоровых экономических основ народной жизни должно быть во что бы то ни стало избегнуто в Новой России. Исходя из этого основного положения, мы позволим себе указать на некоторые принципы, без осуществления которых построение здоровой капиталистической системы представляется нам совершенно невозможным.

Употребление частного капитала должно быть строго ограничено или даже совершенно недопустимо, если производимые им материальные объекты не только не полезны, но напротив, явно вредны для культурного и физического развития и благосостояния народных масс. В этом случае та абсолютная свобода капиталиста, о которой мы говорили выше, должна быть беспощадно урезана в интересах общенародного блага.

Возьмем следующий пример. В некоторых странах свободного мира не существует никаких ограничений в производстве и продаже спиртных напитков. Население некоторых из этих стран поглощает иногда чудовищное количество алкоголя всех видов, причем некоторые, так называемые «аперитивы», изготовляемые иногда на базе вредных для человеческого организма химических продуктов, являются настоящим ядом. Но, в виду того, что в производстве этих напитков и в заработках на их продаже заинтересован часто весьма значительный процент населения, ни верховная власть, ни представительные учреждения этих стран не принимают почти никаких мер против непрерывного роста алкоголизма в среде своих народов, результаты чего весьма плачевны: рост количества преступлений в результате опьянения, подрыв здоровья новых поколений, приучающихся употреблять алкоголь с раннего

„Между двух звезд“

(К статье В. Рудольфа «По поводу возвращения» — «Свобода», апрель 1959)

Для заголовка своей статьи я беру заглавие известной повести Л. Ржевского, в которой фигурируют эти две звезды. Казалось бы, между ними просторно, в котором нашлось бы место, но практика наших дней показывает, что места так мало, что только-только звездочки и даже не звездочки, а планеточки, должныствующие отражать блеск только этих двух звезд, а если — нет, то и места им тоже не будет.

В повести этих деталей, конечно, нет. Повесть занята только двумя «светилами», причем кроваво-грязный краске нескрывается предпочитается «чистая» белая, лучи которой мягко притягивают, обещают тепло и уют заблудшему человечку, измученному, обожженному и загрязненному под лучами кроваво-красного светила. В общем, этим повесть и кончается — дорвался, пригрелся. Уют, тепло, холодильник или что-нибудь в этом роде... Ну, к этому еще немного грустных воспоминаний... Романтика, умиленность. Тернистый путь пройден и пройден только потому, что было нормальное трезвое целеустремленное движение, без оглядок, а, главное, без зевания по сторонам, в поисках какого-нибудь там, еще третьего светила, могущего сбить с намеченного пути. Одним словом, просто и трезво и красна такая белая, чистая... В краске, конечно, копать нечего, ее химический состав трезвого человека интересовать не должен.

Так бывает в повестях, так, может быть, случилось и с В. Рудольфом, мо-

жет быть, и не только с ним одним.

Такой путь — только для нормальных и трезвых. Психопатам, невротикам, пьяницам и уголовникам — по их моральной несостоятельности, а старикам — по их физической немогущности эта благая цель недоступна. Да и движение вперед для них слишком затруднительно. Этим неполноценных г. Рудольф очень метко и остроумно снабдил мощным задним ходом. Бывает иногда, конечно, и иначе, бывает, что к заднему ходу возьмут и прицепят категорию. Это — так, чтобы не было смешения понятий.

Сложнее, конечно, в случае, если явных пороков нет, а есть вот этот проклятый задний ход, но и тут г. Рудольф не смущается и создает условно (в «уловности», к его чести, он и сам сознается) еще пару категорий: задний ход, значит, не совсем нормален: или «заслан» или, в крайнем случае, «завербован».

На этом закончу романтику и подойду вплотную к реальным фактам.

Прошел почти год с того времени, как ушел «обратно» б. лейтенант советской армии И. В. Овчинников со своим другом Б. С. Ильинским. Так как Овчинников к категории морально падших не подошел, умственными способностями превосходил очень многих бежавших с Востока на Запад и своим выступлением — после перехода границы — по Восточно-Берлинскому радио подтвердил свое умственно-нормальное состояние, то г. Рудольфу, в порядке соц-

заказа, пришлось его пристегнуть, оговорившись словом «возможно», пристегнуть к категории завербованных. Обижаться на меня г. Рудольф не должен, так как прямой или косвенный соцзаказ явствует уже из его «возможно» и из фактов, с действительностью имеющих мало общего и взятых им из не совсем добросовестных источников.

Хочу уточнить, вернее, выправить «кривую» г. Рудольфа. «Подбадривать» или «разгорячать» Овчинникова надобности не было. Он пришел разгоряченным, а, разочаровавшись в Западе — накалился до крайних пределов. Беседовал с ним г. Рудольф в то время, когда этот «накал» был уже налицо. Желание уехать в Канаду у Овчинникова было до этой встречи; не состоялся его отъезд в силу того, что одна из организаций, принимавшая на себя оплату его проезда до Канады, почти накануне отъезда в оплату этой отказала. В разочаровании Овчинникова Западом, виноват Запад, вернее, те организации, которые представляют Запад в деле борьбы с коммунизмом. Борьбы нет. Есть сосуществование.

Что касается «устроенности» жизни Овчинникова, то тут г. Рудольф просто пользуется неосведомленностью читателей и занимается прямым подлогом. В обстановке квартиры, предоставленной в пользование Овчинникову той же организацией, которая ему отказала в оплате проезда в Канаду, «устроенности» было видно мало; в гардеробе его тоже был пробел. Можно сказать, что Овчинников скорее нуждался, чем был обеспечен.

Поступать в Мюнхенский университет ему никто не помогал, разве что немецкие власти, которые по отношению к

беженцам с Востока очень великодушны. Добился этого сам Овчинников, после того, как его эмиграция в Канаду провалилась. Стипендия, обещанная ему Международной организацией студентов к началу учебного года, которого Овчинников не дождался, была недостаточна для существования и учебы. «Хорошую стипендию», получил, вероятно, сам г. Рудольф за хорошо выполненный заказ...

В том, что «уход обратно» был срежиссирован советской агентурой к нужному моменту, пронизательность г. Рудольфа беспорна. Словом, если г. Рудольфу роль «уговаривателя» Овчинникова разменяться на холодильник не удалось, роль его хулигана по соцзаказу удалась ему превосходно.

Овчинников шел на Запад не как «трезвый» «нормальный» политический эмигрант, без зевания по сторонам, твердо держа направление от красной к белой звезде — ему мерещилась звезда более яркая: восходящая звезда свободы его Родины. К ней он стремился, а не к личному благополучию.

Свое выступление по Восточно-Берлинскому радио Овчинников закончил словами:

«...Те мои друзья в Мюнхене, а друзей у меня было много, с которыми я находил общий язык, меня не осудят...»

Общий язык любви к Свободной, Великой Национальной России...

Этот общий язык и заставил меня выступить с выправлением «кривой» г. Рудольфа. Обвинить Овчинникова можно только в одном: он нереален в реальном мире двух светил... Здесь его обманули, там ему не простят.

НЕ-Рудольф

возраста, развал многих семей и всякого рода семейные трагедии, рост хулиганства и т. п. Не должно ли все это послужить весьма поучительным уроком при построении баз новой российской экономики? И если даже не покушаться на старую традицию, по которой "Руси веселее есть пити", то разве не будет соответствовать целям народного блага выработка очень строгого законодательства, регулирующего производство и продажу спиртных напитков? И не уместно ли принципом и великодушное начинание в этом важнейшем вопросе народного здоровья Царя-Мученика Николая Александровича, который, запретив продажу этих напитков в начале войны 1914 г., намеревался оставить это запрещение в силе и после окончания войны? И пусть подсоветские люди скажут, положив руку на сердце, не развилось ли на нашей Родине за время владычества коммунизма пьянство до таких размеров, что наносит несомненный и сильнейший вред физическому, а значит, и духовному здоровью нашего народа?

Если основой здорового капитализма является свободный труд, то паразитарной надстройкой над этим принципом является никем и ничем невозбранная в капиталистических странах возможность не работать, если данное лицо имеет возможность жить на какие-то личные средства. Результатом этого является появление целого класса индивидуумов, которые, с общенародной точки зрения являются самыми настоящими паразитами, ибо не принося национальному капиталу никакой пользы, а иногда и самый явный вред. Вот, сейчас во Франции готовится процесс некоего "Билля", убившего несколько человек. Этот юноша, сын крупного инженера, получал от своего отца 150.000 фр. в месяц и жил не только ничего не делая, но, попав в преступную среду, и сам докатился до убийства, в то время, как отец мог заставить его работать под угрозой прекращения выдачи таких "карманных денег", не говоря уже о том, что должен был его воспитать с детства в твердых нравственных принципах. И сколько вы можете видеть в западном мире таких молодых людей, которые не учатся, не работают, одеты с иголки и прожигают свою жизнь по разным "ночным коробкам", в то время, как тут же вы видите юношей, честно зарабатывающих свой хлеб, как всякого рода подмастерья, или упорно грызущих гранит науки, чтобы стать полезными гражданами своей страны! Не все благополучно было в этом отношении и в дореволюционной России. А потому нельзя не пожелать, чтобы в России новой одним из фундаментов экономической жизни

был евангельский (а отнюдь не большевистский) принцип: "кто не работает, тот не ест", и каждый русский гражданин, от пахаря и до членов Царствующего Дома, должен, в той или иной форме, трудиться на благо родной страны. Никакое полученное от родителей наследство не должно оправдывать возможность жить, не принося никакой пользы своему народу своим личным трудом, своими знаниями и способностями. Такого национального паразитизма в Новой России быть не должно!

Здесь мы подходим к столь дорогим для некоторых старых русских эмигрантов принципам "священной" собственности и неограниченного накопления материальных благ с правом пользоваться ими по своему полному усмотрению.

Да, принцип священной собственности является одним из краеугольных камней здорового капитализма, священной в том смысле, что никто не может у меня отнять того, что мною честно приобретено по наследству или заработано личным трудом. Но вот в странах современного капитализма мы видим в этом отношении немало совершенно уродливых и морально отталкивающих явлений. Какая-то Варвара Хэттон, получив от своего отца-миллиардера в наследство созданную им сеть универсальных магазинов, вверяет управление ими такой же сети директоров, сама же живет в абсолютной праздности, и в сказочной роскоши, вышла замуж уже, кажется, в седьмой раз и лично, с общенародной точки зрения, является самой настоящей паразиткой. Почему бы не обаять ее к какому-нибудь труду в ее же собственных предприятиях? И почему, в то же время, какие-нибудь бедные девушки гнут свои спины годами и портят свое зрение в каких-нибудь швейных мастерских? Разумеется, дело тут не в зависти, а в пограничном чувстве самой элементарной справедливости. Владей какой угодно собственностью, но одновременно трудись на благо своей Родины! Накопляй какое угодно богатство, но накапливай его своим упорным личным трудом, притом трудом, полезным для своего народа, а не продажей алкоголя, изданием каких-нибудь полупорнографических журналов или монтажом таких же полупорнографических фильмов! Но если ты на основе этих богатств, ведешь совершенно праздный образ жизни, находясь еще в расцвете своих физических сил, или если ты растрачиваешь свои богатства на кутежи, на разврат, на мотовство денег по заграничным курортам и притонам разврата, то — извини! Государство должно ограничить твою экономическую свободу, дабы не страдал интерес общества национального капитала и не оскорблялось бы чувство справедливости

народных масс, созерцающих такие явления, ибо именно на оскорблении этого чувства и спекулирует коммунизм, обещая, что при наступлении его царства такого паразитизма не будет, а все будет честно трудиться на благо народа. И таких явлений в Новой России быть не должно!

Можно с полной уверенностью утверждать, что основы такого здорового капитализма будут восприняты новыми поколениями нашего народа, в особенности, если им неустанно подчеркивать могущественные положительные факторы и двигатели этого капитализма: свободную инициативу, свободный труд и свободное пользование продуктами этого труда. Но если в принципе они воспримут такую систему, то нужно тогда же обратить их внимание на то, что действительное приложение к жизни этих принципов на действительное благо всего народа, а не только его привилегированного класса, будет возможно только при одном категорически повелительном условии — установлении Верховной Власти в форме НАРОДНОЙ МОНАРХИИ — и вот почему:

Те паразитарные надстройки над здоровым капитализмом, о которых мы только что говорили, являются несокрушимыми и непобедимыми для тех стран, где верховная власть слаба, ибо зависима от той или иного общественного слоя, от той или иной политической партии или от мощных концернов финансового капитала. Чтобы в корне уничтожить этот паразитизм, чтобы одним указом аннулировать какое-нибудь его проявление, вредное для общенациональных интересов, чтобы быть абсолютным авторитетом и могучим и беспристрастным арбитром в столкновениях интересов отдельных общественных классов или отдельных ветвей капитализма, нужна власть сильная, а эта сила может явиться только результатом ее независимости от этих отдельных социальных слоев или капиталистических группировок. И эта Верховная власть должна иметь возможность принимать свои решения даже в том случае, когда против этих решений восстают целые социальные слои, но когда, тем не менее, эти решения должны быть приняты во имя общенационального блага. Вот, как Император Александр II подписал манифест об освобождении крестьян вопреки тому факту, что подавляющее большинство помещичьего дворянства и даже Его собственного окружения было против этого акта, ибо Царь-Освободитель, подписывая Свой великий акт, исходил из соображений о благе всей страны, которая должна была перейти в своей экономической основе с базы рабского труда на фундамент труда свободного.

В следующем номере читатель корреспонденту из Каракаса (Венецуэла) о посещении этого города Их Императорскими Высочествами Великим Князем Владимиром Кирилловичем и Великой Княгиней Леонидой Георгиевной с дочерью Ее от первого брака.

Корреспонденция эта была получена редакцией "Нашей Страны" слишком поздно для того, чтобы мы могли поместить ее в сегодняшнем номере газеты.

Настоящим, полноценным, бесспорным арбитром может быть только Народный Царь и по-настоящему заботиться об общенародных интересах и быть подлинным защитником слабых от сильных, бедных от богатых может быть только Он же. Ибо только Он подходит к решению каждого государственного, социального и экономического вопроса не с точки зрения какого-нибудь отдельного класса, а помышляет о благе всей страны, и руководствуется при этом не личными симпатиями или выгодами, а Идеалом Божьей Правды, носителями которой всегда считали себя Русские Цари, и если этому Идеалу они не всегда могли послужить так, как они считали своим долгом, то только потому, что на пути этого служения становились своекорыстные вождения правящего класса, который, защищая свои эгоистически-классовые интересы и игнорируя общенародное благосостояние, не останавливался даже перед убийством таких Царей, как это произошло с Императором Павлом Первым.

Вот почему, когда лучшие люди новых русских поколений будут свободно решать судьбу нашей страны после падения коммунистической власти, они должны подумать прежде всего о том, что экономический расцвет нашей Родины — который послужит базой и для расцвета духовного — возможен только в том случае, если хозяйственная жизнь нашего народа будет иметь в своей основе здоровый капитализм, последний же сможет функционировать в качестве благотворной для национального культурного прогресса силы только в том случае, если над ним будет стоять высшая сила, воплощающая в себе духовные идеалы нашего народа и считающая своим долгом служение жизненным интересам этого народа на основе этих идеалов, — а такой формой Верховной Власти для освобожденного Русского народа может быть только Народная Монархия!

Н. Потоцкий

русские, которые сейчас помо-

и, вы уйдете к своему дяде? —

спросил Гофман.

ердо ответил Николаев.

ин находится у власти?

к до сих пор.

каз наступать, вы будете драться

ам отца и воспитавшим вас?

на шагавшего рядом с ним Ни-

о мрачным. И ему снова, кото-

мнились слова Рейнера Марии

Об истинных переживаниях это-

го, который не сегодня-завтра

своих соотечественников против

ет и любит.

ега Синюхи сидели двое добро-

о прозвищу "Путешественник",

ущенный из бывшего колхозно-

хту, и рыжий, веснушчатый Ти-

иколаева, тоже только что вы-

как раз те самые "охлальники",

биха. Иван Макеев, прозванный

мым солдатом, который попы-

яйке избы Анне Синельниковой

Николаевым на отсидку в кол-

рицу, похищенную у деда Мат-

шло бы мирно, втихомолку, если

избе Куракина, лейтенанта Ни-

ошел к воротам в тот самый

ья, замученная колхозной жиз-

ню, сухая как жердь старуха, на всю улицу кляла освободителей, воруемых кур.

— Кш! Ты, дура еловая, — шипел на разбушевавшуюся жену дед Матвей. — Подумаешь диковинка, солдат курку упер. Ты думаешь как я на германской был, так тоже у немцев кур не крал? Гляди как бы самой без головы не остаться. Момент сейчас такая. Замолчи неладная!

Но старуха не унималась.

— Дьяволы, чистые дьяволы, — кричала она с яростью, ударяя деревянным толкачом по картошке, которую она толкла, чтобы положить в тесто. — Большевики все до чиста перед уходом отребди. Потом заместители ихние. А теперь освободители остатнее добирают.

— Тише, уймись, — делая страшные глаза и размахивая кулаками, говорил дед Матвей.

— А вот не уймусь! Пропали они все пропадом! Пусть забьют меня, коли хотят.

Николаев, услышав крики, зашел во двор и спросил в чем дело. Ярость Марьи сразу прошла, дед Матвей долго отнекивался, но потом обиняками рассказал, что старуха орет, потому что какой-то рыжий солдат поймал на огороде черную курицу и жарит ее сейчас на берегу Синюхи в овражке.

Узнав, что курицу стащил рыжий солдат, Николаев сразу подумал на своего вестового Филина. Такие делишки были замечены за Филиным еще с прежней стоянки в селе Дубняки. Каждые несколько дней у хозяйки избы, в которой остановился Николаев, пропадали куры. Хозяйка избы, обнаружив пропажу ахала, кляла таинственного похитителя. Жалуюсь Филину на ворюгу, говорила, что курицу украл или кто из солдат или унес коршун.

Филин хладнокровно слушал жалобы хозяйки, переспрашивал ее и не соглашался, что курицу унес коршун.

— Ежели бы коршун унес, то сколько крику бы было, — возражал он. — Петух и другие куры бы орал. Нет, это не коршун, тетенька.

— А кто же, родимый, кто?

— Это не иначе как филин тихо с насеста снял.

— Филин! А когда же он проклятый мог это сделать, — удивленно спрашивала хозяйка, не понимая злой иронии Филина.

— Да как стемнело, забрался в курятник, схватил курку, отвернул ей голову да и уволок в кусты.

В Дубняках поймать Филина не удалось, но в Малых Будах он был застигнут Николаевым на месте преступления. Филин сидел на корточках около разложенного костра и с вождением посматривал на шипевшую на шомполе курицу.

Николаев сделал вид точно занятия Филина его несколько не удивило:

— Ну как, Филин, хорошая курица?

— Жирная, внутрях так жиром все заплыло, — растерянно улыбаясь проговорил вскочивший Филин, не сообразив еще, как ему лучше держать себя.

— Что сырая или готова уже?

— Да обождите самую малость, в один момент готова будет.

— Так вот, Тимоха, когда курица будет готова, — глядя на стоявшего на вытяжку и косившего правым глазом на костер, Филина, сказал Николаев, — ты отнеси ее к той старухе, у которой ты спер ее. У тебя десять марок есть?

— Есть, — проговорил Филин, у которого начали густо краснеть щеки и уши.

— Ну, вот и хорошо, — миролюбиво сказал Николаев. — Отдай старухе курицу и деньги, а сам пойдешь к унтер-офицеру Чубчикову и скажи, что я велел тебя за кражу кур посадить на три дня в амбар на хлеб и воду. Папиросы тоже все сдай.

Сидя в колхозном амбаре, Филин подружился с Иваном Макеевым, который был посажен в амбар на два дня раньше его. Сегодня новоиспеченные друзья, выйдя с гаупвахты вспрыскивали свое освобождение. Уже через час после выхода, Филин, отчисленный Николаевым из вестовых, купил бутылку злейшего самогона, кусок сала и десяток яиц. Праздество состоялось в том же овражке на берегу Синюхи, где за три дня до того, Филин был накрыт Николаевым с злополучной курицей.

Дневник наблюдателя

ВЫВОДЫ ДЕЛАЙТЕ САМИ

На днях, в журнале, издающемся в САСШ организацией частных лиц, занимающих видное общественное положение, и именуемом «Иностранное дело» (Форен эфедз), выступил Хрущев. Отчет о его статье появился в газетах с портретом автора. Последний изображен в виде добродушного старичка, который, поднимая палец, грозит деткам и произносит поучение. Хрущев поучает американцев, что надо сосуществовать! Другого, де, выхода нет, так как иначе будет война, «самая разрушительная война в истории». Поэтому надо убрать все барьеры на пути международной торговли. Хрущев убежден, что коммунизм все равно победит мирными путями и осудил НАТО, назвав это учреждение инструментом агрессивных планов, направленным к разжиганию Третьей мировой войны.

О том, что коммунизм хочет победить весь мир, говорит не только Хрущев. Так, в Миннеаполисе, в Сев. Америке, ген. Кэйбел выступил перед Комитетом Национальной Безопасности Сев. Американского Легиона и заявил, что коммунизм представляет собою угрозу трех родов. Коммунизм стремится к достижению своих целей всемирного господства а) через посредство советского правительства, б) путем подпольной работы коммунистических партий во всех странах мира и в) пользуясь повсюду ширмой как будто невинных организаций, на самом деле представляющих собою коммунистический фронт. Ген. Кэйбел расходится с Хрущевым во мнении относительно коммунизма. Для последнего коммунизм это благо, Кэйбел изображает коммунизм, как зло.

В 1949 году газета «Кристен Сайенс Монитор» писала по корреспонденции из Афин: «Для того, чтобы видеть монумент, воздвигнутый в честь русского коммунизма, не надо ехать в Москву. Приезжайте сюда, в Грецию. Здесь вы увидите сожженные города и села, 700.000 греков, изгнанных из своих жилищ, матерей оплакивающих своих детей, вывезенных за Железную Завесу; вы увидите, как уничтожались фруктовые сады и стада скота, вы увидите всю неописываемую глубину нищеты, бедствия и страданий, которая остается по следам шестився коммунистического террора».

Эта справка интересна по случаю 10-ой годовщины избавления Греции от коммунизма. В этом году Греция праздновала десятилетие своего освобождения. Во всех храмах было торжественное богослужение, а греческая общественность вспомнила годы, когда, после изгнания немцев, Греция оказалась жертвой коммунистического террора. Позднее Греция получила помощь от Англии, а «План Маршалла» помог ей стать на ноги экономически. С коммунизмом там покончено.

Но почему же ни у одного государственного мужа в мире не хватает совести, чтобы оказать помощь России для освобождения от коммунизма? Почему оставлены на произвол большевизма Россия и русские борцы против коммунизма, если можно было оказать помощь грекам?

Порадуемся вместе с греками. Но дождемся ли мы дня, чтобы кто-то с нами порадовался по поводу падения коммунизма? О коммунизме в мире знают достаточно хорошо. Тем больше удивление вызывает каждое высказанное государственным деятелем детский наивное мнение о коммунизме. Мы имеем в виду г-на Мак Миллана, премьер-министра правительства Ее Величества Королевы Англии.

Президент САСШ Эйзенхауэр совершает поездку по Европе для подготовки к приему Хрущева во время его визита в Америку. Кстати Хрущев собирается со всей семьей и даже в сопровождении зятя. Трудно знать, хватит ли одного самолета для всей семьи со свитой? Эйзенхауэр, между тем, побывав в Бонне, поехал в Англию, где и встретился с Мак Милланом. Приезд «Айка» был отмечен в Англии торжественно.

Оба государственных деятеля говорят, конечно, больше всего о мире во

всем мире и о надеждах, которые в этом смысле подают предстоящий визит Хрущева в Америку. Газеты сообщают, что при беседе найдено верное средство добиться от Хрущева мирной политики, а именно: если он во время визита в Америку будет настаивать на Берлине и угрожать, то... то... ТО... надо будет ему предложить еще переговоры! Переговоры на высшем уровне! Трещин, Никита Сергеевич!

Наивность Мак Миллана в его оценке положения: он говорит: «Первая Мировая война была ошибкой. Ее можно было избежать, если бы тогда существовали способы переговоров, как сейчас. Второй Мировой войны избежать было нельзя. Она была справедлива, так как ее вызвали люди с превратными понятиями, желавшие достичь своих целей. Сейчас войну можно избежать, если только не впасть в ошибку. Конференция на высшем уровне безусловно необходима и должна дать хорошие результаты». Таким образом, устанавливается, что Мак Миллан считает коммунистов за нормальных людей. Это не те «люди с превратными понятиями, что желают достичь своих целей»...

Переговоры Эйзенхауэра с Мак Милланом шли в дружественном тоне, все толковали о мире и дружбе и о прочих высоких материях, не забывая о долге защищать свободу. Эйзенхауэр говорил торжественно о свободе для всех, всех, всех людей и обещал защищать свободу двух миллионов западных берлинцев. А остальные?.. Как сами знают, очевидно! Верно они, как и русские, не любят свободы, раз не умели ее защитить в 1945 году.

Айзенхауэр, однако, твердо, стоит на том, что вершинную конференцию стоит созывать только в том случае, если Хрущев покажет склонность к «замирению». На эту-то склонность и рассчитывают все, когда ждут Никиту Сергеевича в Америку.

После разговоров о прекрасном в Лондоне, «Айк» поехал в Париж. Здесь все было по-французски. Помпа встречи, ковры возле самолета, тосты, шампанское... С де Голлем, однако, разговор был не столь легок, как с англичанами. Вопрос об участии Франции в НАТО, об Алжире, где Франция никак не выпутается из гражданской войны, о развитии атомного вооружения Франции и, видимо, некоторые другие проблемы, обсуждались в дружественных тонах, но полного единства мыслей и чувств не удалось заметить. В общем — дружба крепка, но есть расхождения во мнениях. После этого Эйзенхауэр поехал отдыхать в Шотландию.

В эти дни исполнилось двадцать лет с начала Второй Мировой войны. Интересней всех отзывались советчики. Московское радио сообщило, что «если бы в 1939 году западные силы, подобно СССР, взяли твердый курс сопротивления Гитлеру, он не осмелился бы начать войну». Одним словом: Запад виноват! Но похоже, что Гитлеру начать войну гораздо больше помогло то обстоятельство, что он, договором с коммунистами о разделе Польши обеспечил себе тыл и бензин.

Но, вот, коммунизм оказался победителем в этой войне. Несмотря ни на что, находятся люди, не видящие, что коммунисты это одержимые, гораздо хуже гитлеровцев. Но как бы Мак Миллан не считал коммунистов всего на всего странными людьми, вполне, однако, терпимыми в приличном обществе, они по-своему отпраздновали двадцатую годовщину начала Второй Мировой войны. А именно: они отметили эту дату вторжением в Индию! О пограничных стычках на Индийско-Китайской границе уже говорилось. Но, в самый день 1-го сентября, красные китайцы двинули в Индию крупные силы с артиллерией, танками, парашютистами и т. д.

В Индии это немедленно произвело переполох. Сердечный друг Неру, Кришна Мепон, неизменно ратовавший за коммунистов и за принятие Красного Китая в ООН, немедленно отказался от поста военного министра. Он ему был удобен только во время мира. Газеты ежедневно сообщают о том, что парламент Индии дебатировал вопрос о вторжении красных китайцев. Кажется, даже решают отстреливаться, хотя усиленно предлагают переговоры, чтобы мирно отдать то, на что претендуют китайцы Мао. Наконец, Неру заявил в

18-го сентября с. г. в день Ангела Высокопреосвященнейшего Архиепископа АФАНАСИЯ, Сретенское Сестричество при Кафедральном Соборе в Буэнос Айресе устраивает на архиерейском подворье прием для желающих принести поздравления Владыке Архиепископу после Литургии и в 7 час. вечера.

парламенте, что в ответ на протест по поводу нападения, Красный Китай ответил нотой, обвиняя Индию в агрессии против Китая.

«Индийцы», повидимому, сильно растерялись, увидев со стороны китайцев такое нарушение дружбы. Сестра Неру, посланница в Лондоне, воспользовалась случаем и говорила с Эйзенхауэром, после чего стремительно вылетела в Индию к брату. Картина остается туманной и люди гадают, не начнется ли в Индии что-либо серьезное. Одни говорят «да», другие — «нет», как бубушка, что ворожила, надвое положила: либо будет, либо нет. Либо дождик, либо снег.

Если бы нам было позволено иметь собственное мнение, мы сказали бы, что нападение на Индию это шумовая завеса, чтобы легче было «доделать» Лаос. Там действия коммунистов развиваются. Начавшись деятельностью партизанских отрядов, дело принимает форму регулярной войны. Коммунизм заглатывает очередную жертву. Запад разговаривает о мире. К Хрущеву на поклон явились английские большевики Гайтскелл и Беван... В ООН собираются дебатировать вопрос о вторжении коммунистов в Лаос и Индию. Выстрелы в Гималаях расхолаживают надежды на порядочность коммунистов, которые любят мир больше всего на свете.

Никсон заявил так: «Если думалось, что Эйзенхауэр не будет достаточно подготовлен к собеседованию, то известия из Лаоса рассеивают такие думы. Материальная и моральная помощь, оказываемая мятежникам со стороны правительства СССР и Красного Китая, послужили всему свободному миру предупреждением, это коммунисты неустanno продолжают свою кампанию за мировое господство».

О, если бы хоть теперь господа, подобные Мак Миллану сообразили с чем они играют, когда хотят играть в мир с коммунистами! Кажется, что кроме горького опыта их не научит ничто. До сих пор не явился трезвый голос, по требованию которого коммунизм был бы поставлен вне закона, как вне закона поставлен нацизм. Появится ли?

Наблюдатель

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАША СТРАНА»
ИВАН СОЛОНЕВИЧ
РОССИЯ В КОНЦЛАГЕРЕ
(издание четвертое)
выходит отдельными выпусками
ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫПУСК
ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ
Цена 1 ам. доллар.

Доктор медицины
А. Ю. БОГОЛЮБСКИЙ
Mendoza 4949/2/H — Т. Е. 52-2083
VILLA URQUIZA
(три квартала от станции)
ПРИЕМ
по вторникам, четвергам и субботам
от 16.00 до 18.00 час.

РОЗЫСКИ
Объявления о розысках родных и знакомых принимаются непосредственно редакцией «Нашей Страны» и ее представителями на местах. Стоимость объявления, помещенного в трех последовательных номерах, 2 дол. в валюте соответствующей страны. Для Аргентины — из расчета 1 дол. равен 20 песо арг.

Людмила Епифановская разыскивает А. Ф. Петрашина у проживающую в гор. Кордоба (Аргентина). Сведения о ней просят сообщить по адресу:
Barquero Jakob Epifanovsky
Itanhaem, Est. S. Paulo, Brasil

Шнейдер Владимир Яковлевич, из Самары, разыскивает своего дядю Александра Андреевича Шнейдера. Знающих о его местопребывании просят сообщить по адресу:
W. Schneider, Anna Str. 1
Oosterbeek, Holland

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

NUESTRO PAIS

Organo Monárquico Ruso

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY
Monroe 4219, Buenos Aires, Argentina
Телефон 52-7426

ПРЕДСТАВИТЕЛИ
AMERICA DEL SUR:
Brasil: Leo Rubanov, Caixa postal 8405, Correio Central, Sao Paulo.
Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Correo Central, Clasificador F 456, Santiago de Chile.
Venezuela: Sr. K. Kellner, Av. Sarria 24, Quinta Coromoto (Club Ruso), Caracas.
Paraguay: Sr. A. F. Lapchinsky, M. P. O. C., Dirección General de Vialidad, Alberdi esq. Gral. Días, Asunción.
U. S. A.

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe Ave., San Rafael, Calif.
Mr. A. Klushkin, 196, 6th Ave., Apt. B, San Francisco 18, Calif.
Russian Book Store "Russ", 443 Balboa Str., San Francisco 18, Calif.
Mr. M. Maltzoff, 1332 Lucille Ave., Los Angeles 26, Calif.
The Russian National Book Store, 327 E 14th Str., New York 3, N. Y.
Allies Book Shop, 3456 Broadway, New York 31, N. Y.

CANADA
Mr. B. A. Romanovsky, 12036-90 Str., Edmonton, Alta.
Mr. A. Kostyria, 6 Argyle Str., Toronto 3, Ont.
Mr. André Alpatoff, 172, Lakeshore Drive, Montreal 33 (Dorval), Que., Tel. No. M-1-0815.

EUROPE
Belgique: Libraire et Bibliotheque Slave. 13, rue de Roumanie, Bruxelles.
France: Mr. A. Krivocheieff, "Kama" 27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine, Seine.
Westdeutschland: Herr S. Tovstoles, Hamburg - Gross - Borstel, Beerboomstücken 29/I, Wohn. 2.
Grece: Mr. Filatoff, rue Dedalou 26, Athenes.
Holland: Mej. A. Loeper, Anna Str. 1, Oosterbeek.

AUSTRALIA
Mrs. E. Parker, 28 Queen Bess Str., Buranda, Brisbane, Q-d.
Polyglot Book Depot, 256 Collins Str., Melbourne C 1
Mr. M. M. Spassovsky, 8, Richmond Str. South Wentworthville, N. S. W.

Продолжается подписка на ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

НАША СТРАНА

основанную И. Л. Солоневичем под редакцией Вс. Дубровского

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА

Аргентина — 5 песо; САСШ — 30 ам. цент.; Канада — 30 кан. ц.; Бразилия — 12 круз.; Венесуэла — 1 бол.; Уругвай — 60 ур. цент.; Парагвай — 10 гуар.; Чили — 100 чил. песо; Англия — 1 ш. 3 пенса; Франция — 75 фр. фр.; Бельгия — 10 бельг. фр.; Швейцария — 1 шв. франк; Германия — 75 пф.; Иран — 15 риал; Австралия — 1 ш. 6 пенс. австр.; Марокко — 75 фр.; Италия — 200 лир; Голландия — 0.65 гульд.; Швеция — 1 шв. кр.; Греция — 4 др.

ПО ВОЗДУШНОЙ ПОЧТЕ

САСШ и Канада — 35 цент.; Бразилия 15 круз.; Венесуэла — 1.25 бол.; Парагвай — 12 гуар.; Чили — 150 чил. песо; Франция — 115 фр. фр.; Германия — 1 нем. марка; Голландия — 1 гульден; Греция — 8 др.

В розничной продаже и при подписке — цена номера одинакова. Подписка принимается Редакцией «Нашей Страны» и ее представителями на определенное количество порядковых номеров.

Подписную плату настоячиво просим вносить не менее чем за десять номеров вперед.

Каждое ВОСКРЕСЕНЬЕ от 20 до 20.30 ч.
слушайте
РУССКУЮ ПЕРЕДАЧУ
по RADIO PORTEÑA — LS4